

Каплун Марианна Викторовна

ЛЮТЕРАНСКАЯ ШКОЛЬНАЯ ДРАМАТУРГИЯ И ПЬЕСЫ И. Г. ГРЕГОРИ

Статья рассматривает пьесы пастора лютеранской кирхи Немецкой слободы в Москве Иоганна Готфрида Грегори, написанные для русского придворного театра царя Алексея Михайловича, в контексте традиций лютеранской школьной драматургии. Репертуар первого русского придворного театра во многом складывался под воздействием протестантских взглядов И. Г. Грегори, который опирался на действующую систему немецкого школьного театра, принятого Мартином Лютером. На примере отдельных образов и общности сюжетов можно проследить влияние лютеранской школьной драматургии на репертуар пьес первого русского театра.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 23-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Статья рассматривает пьесы пастора лютеранской кирхи Немецкой слободы в Москве Иоганна Готфрида Грегори, написанные для русского придворного театра царя Алексея Михайловича, в контексте традиций лютеранской школьной драматургии. Репертуар первого русского придворного театра во многом складывался под воздействием протестантских взглядов И. Г. Грегори, который опирался на действующую систему немецкого школьного театра, принятого Мартином Лютером. На примере отдельных образов и общности сюжетов можно проследить влияние лютеранской школьной драматургии на репертуар пьес первого русского театра.

Ключевые слова и фразы: школьная драматургия; лютеранская драматургия; протестантское мировоззрение; придворный театр; русская драматургия XVII в.

Каплун Марианна Викторовна

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук
tangosha86@mail.ru*

ЛЮТЕРАНСКАЯ ШКОЛЬНАЯ ДРАМАТУРГИЯ И ПЬЕСЫ И. Г. ГРЕГОРИ

Первая пьеса русского театра «Артаксерсово действо» своими размерами, большим количеством действующих лиц, вложенными в текст духовными пьесами и глубоко нравоучительной составляющей напоминала школьные пьесы лютеранского театра. Пастор лютеранской кирхи Немецкой слободы в Москве и автор первых пьес, написанных для придворного русского театра, Иоганн Готфрид Грегори, хорошо знакомый с традициями немецкого театра, следовал указаниям Мартина Лютера к постановке подобных драм. Основоположник протестантизма безоговорочно осуждал церковные и городские мистерийные зрелища, наследие католицизма. Там, где принимали новую веру и очищали храмы от всех украшений, таких представлений не устраивали. Особенно стоит отметить знаменитый нюрнбергский шембартлауф, или ход ряженых.

Новая конфессия не поощряла подобных игрищ. Особенно оспаривалось протестантами право мирян на критику и порицание, дарованное карнавалом. Карнавал «противоречил лютеровскому пониманию таинства покаяния» [5, с. 152]. С возмущением реагировал сам Лютер на последнюю попытку нюрнбержцев сохранить карнавал в 1539 г., предпринятую под руководством советника Якоба Муффеля. Однако Лютер выразил свое одобрение на постановку школьных спектаклей, основанных на антично-гуманистической модели. Еще в 1516 году Ф. Меланхтон, ближайший сподвижник Лютера, издал произведения Теренция, и сам Лютер отнесся к этому весьма позитивно. Лютер считал, что представление комедий, «если оно устроено благочестиво и достойно, вовсе не противоречит христианскому образу жизни» [6, с. 156].

В одной из своих «Застольных бесед» 1534 года Лютер написал: *«Играть комедии для мальчиков в школах следует не запрещать, но позволять и допускать, во-первых, потому, что они дают упражнение в латыни; во-вторых, потому, что в комедиях весьма искусно придуманы, зарисованы и представлены такие особы, чрез посредство коих люди обучаются, и комедии каждому напоминают об его положении и словесах и истолковывают, что подобает, приличествует холопу, господину, юноше и старику, и что он должен делать, да и представляют взору всевозможные звания, должности и достоинства, как всякий в своем состоянии себя должен вести с окружающими, точно в зеркале»* [14, S. 96-97].

Выбор сюжетов для школьных пьес преимущественно из канонических и апокрифических книг Ветхого Завета (Иосиф, Авраам и Исаак, Юдифь, Эсфирь, Сусанна, Тофия и т.д.), а также из новозаветных притч (Блудный сын, Лазарь) подкреплялся авторитетом Лютера. Лютер рекомендовал авторам пьес обращаться к библейским историям, а также к апокрифам, которые, по его мнению, дают примеры праведного христианского поведения в миру. И. А. Некрасова отмечает, что эти же темы «воспроизводились и в мистериях, особенно во французских и английских, но в германских землях ветхозаветный цикл имел значительно меньшее распространение» [6, с. 156]. А поскольку лютеране читали Библию по-новому, то и библейские драмы никак не могли ассоциироваться с католическими мистериями, хотя фактически использовали их типовые приемы. Например, в истории Юдифи Лютер видел «превосходную серьезную доблестную трагедию», а в истории Товия – «тонкую, милую, благочестивую комедию» [2, с. 142].

Создавая первые пьесы для русского придворного театра, Иоганн Готфрид Грегори во многом опирался на существующую модель лютеранского школьного театра, чему способствовал его статус пастора лютеранской кирхи в Москве. С. К. Богоявленский указывает, что есть все основания полагать, что артисты, представляющие пьесу перед царем, были «учениками лютеранской школы», с которыми И. Г. Грегори разыгрывал сценки на библейские сюжеты в своем школьном театре при Немецкой слободе [1, с. 15]. На близость к традициям лютеранской драматургии указывает и тот факт, что первые пьесы русского театра – авторские. Хотя авторское начало в пьесах лютеранского театра скорее декларировалось, нежели осознавалось. «Авторы новых драм – и в этом сказалось влияние гуманизма – обладали, в отличие от сочинителей средневековых религиозных действий, литературным честолюбием: пасторы и школьные учителя придавали значение увековечиванию своих имен, ибо это служило доказательством, что они исправно выполняют возложенные на них церковными властями воспитательные задачи» [4, с. 140].

Для И. Г. Грегори, конечно, авторство не являлось самоцелью, учитывая «заказ» самого царя Алексея Михайловича, но недооценивать влияние лютеранского образования И. Г. Грегори на первые пьесы все же не стоит. Да и сценическое воплощение пьес, как уже указывалось выше, строилось по модели западноевропейского

театра. Все западноевропейские пьесы на сюжет Эсфири так или иначе прославляют величие царской власти, утверждают долг жены повиноваться мужу, показывают, как наказывается в лице Амана жестокость и гордость. Еврейский же народ изображается избранным народом, предшественником христианства [3, с. 283].

Как указывает О. А. Державина, пьеса Грегори относится к той группе обработок библейского рассказа, которые используют всю историю Эсфири, и по построению, содержанию и идейной направленности ближе всего стоит к перечисленным выше немецким пьесам XVI в., в частности, ко второй редакции пьесы Ганса Закса: в той и другой семь актов, оба автора вводят плач отвергнутой Астины, отсутствующий в Библии, но сцены и эпизоды у Грегори расположены и разработаны иначе, чем у Закса. Значительно больше у него и действующих лиц: в пьесе Г. Закса их двадцать три, в пьесе Грегори – около шестидесяти [Там же].

Если в «Артаксерковом действе» И. Г. Грегори все-таки был более осторожен (первая пьеса была пробой пера, да и имела явный социально-придворный подтекст), то в «Иудифи» можно четко проследить эстетические принципы автора. В «Иудифи» перед И. Г. Грегори стояла проблема создания нескольких десятков человеческих характеров. Образы Иудифи, Олоферна, Навуходоносора, Ахиора явно создавались на материалах ветхозаветного текста, но остальные персонажи, в том числе и известные по Книге Иудифь слуги (евнух Олоферна Вагав, служанка Иудифи Абра) представляют собой личное творчество автора пьесы.

Помимо образной системы общим местом для пьес И. Г. Грегори и лютеранской драматургии является аллегория виноградника Господня. Так, в «Артаксерковом действе» Артаксеркс во 2 действии, 6 явлении аллегорически говорит о смене одной фаворитки на другую (Есфирь заменила Астинь): *«Стоит в моем вертограде, мало не посреди, доброзачные масличные древа, но едино округ его великое праздно есть место. Я воистину ево сице нарочно до сих времен пустил, дабы лучше возможно было на нее возрети. Часто же помыслих, аще толь стройно воедине, велми стройне же при иных таких было бы. Бывишу же мне в той думе, дала небесная благодать, что плохая трава окрест его ся положила, эфреем нарицаема, около ся обвивала, яже от корени, даже по верх зеленеется начала. Ныне же стоит то изрядное древо в достоинстве сугубом, издает не токмо изобильно себя масло, но и во красе своей пребывает, зеленеется кругом и беспрестанно, и стоит не едино, и украшает все оное место. Зрите ли, какая та трава очесам моим утешение дати может?»* [8, с. 143].

Образ, который вложил И. Г. Грегори в уста Артаксеркса, является ключевым в контексте лютеранского мировоззрения. Вертоград (т.е. виноградник) – это слово, имеющее значение «сад» и заимствованное из старославянского, возможно, является калькой готского слова *aurtigards* – «сад, огород»; врьть соответствует готскому *aurti, gards* – славянскому градъ [11].

С точки зрения религиозной составляющей виноградник – это распространенная метафора, которая представляет Церковь и верующих как виноградник Господа, за которым необходимо старательно ухаживать. Этот образ восходит к образу рая – месту абсолютного благоденствия и изобилия, изначально данного человеку и утраченного в результате нарушения установленного там порядка. Рай как идеальная, рационально обустроенная среда обитания был тем недостижимым образцом, на который ориентировались христиане в освоении окружающей природы и создании своего обжитого пространства, противопоставляемым дикому и неорганизованному пространству. Символика сада, понимаемого как образ души и добродетели, породила традицию учительных «вертоградов», которая была общеевропейской в эпоху средневековья, Возрождения и барокко. В западноевропейской литературе известны сочинения с названиями «Hortus», «Viridarium», «Dziardyn», в польской – «Ogrod», «Wirydarz», в южнославянской – «Vrtal», в восточнославянской – «Огородок», «Вертоград», «Виноград». Различавшиеся между собой, эти произведения имели общий идеологический стержень – образ сада с характерным для него комплексом представлений и понятий [7, с. 81].

Любопытно, что образ благословенного Виноградника в протестантской идеологии появился сразу после отречения Лютера от римско-католической церкви. Известно, что в своей знаменитой булле об отлучении (ответ Папы на тезисы Лютера), где Папа осуждает дело протестантской Реформации в целом, глава римско-католической церкви призывает святого Петра, святого Павла и всех прочих святых помочь в борьбе против «лесного вепря» и «полевого зверя», которые губят виноградник Господень, опустошают и уничтожают его (Пс. 79:14) [10, с. 148].

Впоследствии протестантские идеологи стали использовать этот живописный образ в прямо противоположном смысле. На картинах протестантских художников XVI-XVII вв. очень часто можно увидеть подобную символику, имеющую определенную специфику. Обычно подобный виноградник разделен как бы на две части. С одной стороны, как правило, представители католической церкви – Римский папа, кардиналы, священники – возделывают виноградник неумело и в результате разрушают его. По другую сторону на подобных полотнах обычно изображался Лютер и его сторонники, старательно и с любовью возделывающие виноградник, который начинает плодоносить. Эта тема часто встречается в лютеранском искусстве в целом и содержит в себе два важных послыла: «в чем заключаются обязанности хорошего пастора, а также деликатный вопрос о реальном присутствии крови Христовой в вине для причастия» [12, р. 53].

В творчестве И. Г. Грегори образ виноградника появляется и в «Жалобной комедии об Адаме и Еве». За райской жизнью в «вертограде» можно разглядеть извечную борьбу ангелов с богом. Так, в 1 действии, 3 явлении образ «вертограда» упоминает счастливый и безмятежный Адам: *«И аз их к тому не допушу; иди же со мною, да любовью время во вертограде упрямим»* [9, с. 118]. Для Адама вертоград – это образ рая как такового. Во 2 действии, 1 явлении о вертограде уже говорит Змия, пытаясь соблазнить Еву: *«Ей, ей! Ево яжд точию! Можеш бо сама разумети: когда бы никоторой овоц бы в вертограде быть, которой бы смерть родил, то бы и некакую разнь от иных овоцей имелъ»* [Там же, с. 122]. В литературе наиболее полно сюжет о винограднике раскрыт в творчестве голландского поэта и драматурга из Брюгге Корнелиса Эверарта, автора около 35 тысяч пьес, в том числе религиозного содержания, например, «Игры о винограднике» 1533 года [13].

Таким образом, анализ становления лютеранской школьной драматургии и ее влияния на репертуар первого русского театра, сформированный пастором лютеранской кирхи Немецкой слободы в Москве И. Г. Грегори, позволяет не только выявить общие черты на образном и сюжетном уровнях, характерные для школьной драматургии в целом, но и исследовать первые русский пьесы в контексте становления мировой европейской драматургии последней трети XVII в.

Список литературы

1. **Богоявленский С. К.** Московский театр при царях Алексее и Петре. М.: О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1914. 220 с.
2. **Державина О. А.** К вопросу сравнительно-исторического изучения европейской и русской драматургии XVII в.: традиции Средневековья и новые элементы в пьесах XVII в. об Иосифе // Славянские литературы: VI Международный съезд славистов (г. Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации. М., 1968. С. 141-165.
3. **Державина О. А.** Русско-европейские литературные связи в области драматургии на рубеже XVII-XVIII веков (История Есфири на школьной сцене западноевропейского и русского театра) // Славянские литературы. М., 1973. С. 282-294.
4. **История немецкой литературы:** в 3-х т. / пер. с нем. М.: Радуга, 1985. Т. 1. От истоков до 1789 г. 355 с.
5. **Колязин В. Ф.** От мистерии к карнавалу: театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья. М.: Наука, 2002. 242 с.
6. **Некрасова И. А.** Религиозная драма и спектакль XVI-XVII веков. СПб.: Гиперион, 2013. 364 с.
7. **Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII-XVIII в.** / отв. ред. А. Н. Робинсон. М.: Наука, 1989. 237 с.
8. **Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.):** в 5-ти т. М.: Наука, 1972. Т. 1. Первые пьесы русского театра. 508 с.
9. **Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.):** в 5-ти т. М.: Наука, 1972. Т. 2. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. 367 с.
10. **Шафф Ф.** История христианской церкви: в 8-ми т. / пер. О. А. Рыбакова. СПб.: Библия для всех, 2009. Т. 7. Современное христианство: Реформация в Германии. 463 с.
11. **Этимологический словарь Крылова** [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/krylov/Vertograd-2712/> (дата обращения: 23.12.2015).
12. **Christin O.** Les Reformes Luther, Calvin et les protestants. Paris: Gallimard, 1995. 160 p.
13. **Everaert C.** De spelen van C. Everaert: set 2 dln. Hilversum: Verloren, 2005. 1056 S.
14. **Luther M. D.** Martin Luther's Tischreden oder Colloquia; so er in vielen Jahren gegen gelahrten Leuten, auch fremden Gasten und seinen Tischgesellen gefuhret, in Auswahl fur das deutsche Volk. Berlin: Berggold, 1877. 184 S.

LUTHERAN SCHOOL DRAMATURGY AND PLAYS BY J. G. GREGORY

Kaplun Marianna Viktorovna

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
tangosha86@mail.ru*

The article examines the plays by Johann Gottfried Gregory, pastor at Lutheran church of the German Quarter in Moscow, written for the Russian court theatre of the tsar Aleksey Mikhailovich in the context of the Lutheran school dramaturgy traditions. The repertoire of the first Russian court theatre was in many ways established under the influence of Protestant views by Johann Gottfried Gregory who relied on the current system of German school theatre adopted by Martin Luther. By the example of the certain images and similar plots the paper traces the influence of Lutheran school dramaturgy on the repertoire of the first Russian theatre.

Key words and phrases: school dramaturgy; Lutheran dramaturgy; Protestant worldview; court theatre; Russian dramaturgy of the XVII century.

УДК 821.511.151

Данная статья актуализирует аксиологическую проблематику в рамках эстетико-парадигматических исследований художественной словесности. В ней на основе анализа существующего научного опыта российского, урало-поволжского литературоведения формулируются возможные подходы к созданию новой концепции развития марийской национальной литературы, основанной на изучении ее аксиологической парадигмы на стыке филологии, культурологии и философии.

Ключевые слова и фразы: научная парадигма; художественная аксиология; марийская литература; междисциплинарность; аксиосфера и поэтика.

Кудрявцева Раисия Алексеевна, д. филол. н., профессор
*Марийский государственный университет
kudsebs@rambler.ru*

**АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА МАРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
СОСТОЯНИЕ И ГОРИЗОНТЫ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ**

Целью данной статьи является анализ современного состояния научных исследований по аксиологической проблематике художественной литературы и определение возможных направлений в изучении ценностной